

Тихомиров Лев Александрович

**Монархическая
государственность**

Часть 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Александрович Т.**
Монархическая государственность: Часть 3 / Тихомиров Лев Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 252 с.

ISBN 978-5-519-76842-9

ISBN 978-5-519-76842-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Современный моментъ русской государственности.

Глава XXXIX. Неясность момента	198
Глава XL. Историческая идея Россіи въ концѣ ученическаго періода.....	200
Глава XLI. Революціонный духъ новаго періода.....	206
Глава XLII. Соціальныя условія новаго періода.....	208
Глава XLIII. Состояніе народной массы.....	216
Глава XLIV. Историческій моментъ. Разобщеніе власти и народа..	221
Глава XLV. Разслабленіе національныхъ силъ.....	229
Глава XLVI. Разслабленіе Государственнаго управленія..	234
Глава XLVII. Заключение.....	238

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
11	4	Владимірѣ	Владиславѣ
43	24	крестъ Честной	Крестъ Честной
60	9	1611	1613
68	13	расправа	расправы
88	22	въ XIII вѣкѣ	въ XVIII вѣкѣ
108	Формула присяги	„но иначе толкую“	„не иначе толкую“
116	Заголовокъ.	Сложность работъ	сложность работы
117	7	работу	работъ
125	13	его	ея
140	Примѣчаніе.	уже,	, уже
147	3	на диктаторіальное	не диктаторіальное
147	10	къ опредѣленіи	въ опредѣленіи
148	6	свойства	свойствъ
185	25	слово учительство	слово учительства
214	12	въ политической	къ политической

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задачей нижеслѣдующаго очерка «Русской Государственности» является разсмотрѣніе ея развитія на сложномъ фонѣ историческихъ условій, которыми обуславливалось возникновеніе и дѣйствіе верховной власти, выработанной русской націей.

Поэтому, въ обрисовкѣ каждой категоріи частныхъ условій, я могъ входить лишь въ тѣ подробности, какія мнѣ казались необходимы для того, чтобы дать въ нихъ ясную часть общей картины историческихъ условій. Входить въ подробности далѣе предѣловъ этой задачи значило бы лишь помѣшать уясненію основной мысли книги. Вотъ почему у меня не упомянуто объ очень многихъ дѣятеляхъ по развитію русскаго самосознанія, и почти совершенно не введены въ разсмотрѣніе дѣятели, приносившіе къ намъ европейскіе государственные идеалы. Изъ первой категоріи я выбиралъ лишь тѣхъ представителей національной мысли, которые вносили нѣчто своеобразное. Множество публицистовъ, имѣвшихъ значеніе лишь по распространенію этихъ идей, я оставляю въ сторонѣ, хотя о нѣкоторыхъ изъ нихъ предполагаю еще упомянуть въ четвертой части книги («Монархическая Политика»), въ связи съ вопросами о тѣхъ или иныхъ частныхъ мѣрахъ управленія. Что касается представителей европейской мысли,—я ставилъ себя задачей: обрисовать лишь общій духъ ихъ вліянія.

Разсмотрѣніе *современнаго момента* русской государственности, собственно говоря, не входитъ въ планъ моей работы. Тѣмъ не менѣе мнѣ казалось невозможнымъ совершенно устраниваться отъ нѣкоторой обрисовки его. О неизбежной неполнотѣ этой части очерка излишне даже оговариваться. Въ разсужденіи о настоящемъ времени, для ясности обрисовки,

необходимо было бы говорить о лицах, нынѣ живущихъ, характеризовать ихъ способности, ихъ планы, ихъ борьбу. Но, кромѣ виѣшней невозможности производить такой судъ надъ современниками, нельзя не понимать, что, при даже величайшемъ стараніи быть добросовѣстнымъ, никто не можетъ, передъ своею совѣстью, поручиться въ томъ, чтобы былъ достаточно освѣдомленъ о личности и планахъ своихъ современниковъ, и, слѣдовательно, имѣлъ нравственное право производить относительно ихъ какое-либо окончательное сужденіе. Не говоря же о личностяхъ, нельзя достаточно обрисовать и эпоху.

Что касается до чисто устроительныхъ мѣръ, которыя нынѣ, съ общей точки зрѣнія монархической политики, кажутся полезными или необходимыми при современномъ положеніи русской націи и государственности, то объ этомъ предметѣ нынѣ придется сказать нѣсколько словъ лишь въ четвертой части книги *). Впрочемъ, подробное разсужденіе объ этомъ вообще не входитъ въ планъ книги, задача, которой стоитъ въ выясненіи общихъ принциповъ политики. Ихъ приложеніе, въ связи съ условіями времени и мѣста—это уже задача государственнаго дѣятеля. Одинъ и тотъ же принципъ можетъ прилагаться различными способами, и опредѣленіе того—какой изъ нихъ въ данномъ случаѣ является наилучшимъ—есть дѣло уже не теоріи, а политическаго искусства и практическаго глазомѣра.

3 Апрѣля 1905 г.

Левъ Тихомировъ.

*) Одна изъ важнѣйшихъ мѣръ уже и рѣшена въ принципѣ. „На всеподданнѣйшемъ докладѣ Святѣйшаго Синода о созваніи Собора епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патріаршества и обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи, Его Императорскому Величеству благоугодно было 31-го Марта сего года собственноручно начертать „Признаю невозможнымъ совершить въ переживаемое нынѣ тревожное время столь великое дѣло, требующее и спокойствія, и обдуманности, каково созваніе помѣстнаго собора. Предоставляю Себѣ, когда наступитъ благопріятное для сего время, по древнимъ примѣрамъ православныхъ Императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе и созвать соборъ Всероссійской Церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія“. „Церк. Вѣд.“ 2 Апр. № 14.

ОТДѢЛЪ I.

Выработка типа верховной власти.

I.

Общія благопріятныя условія.

Россія представляетъ страну съ особо благопріятными условіями для выработки монархической верховной власти. Въ древней Руси, среди племень, образовавшихъ собственно Русскую Землю, и до начала государственности и въ эпоху ея организаціи, существовали зародыши всѣхъ формъ власти: демократической, аристократической и монархической. Оба первые начала мѣстами имѣли тенденцію вырасти въ значеніе Верховной власти, но общая совокупность условій дала рѣшительную побѣду Царской идее.

Въ числѣ этихъ условій особенно благопріятствовали выработкѣ идеальнаго типа монархіи—условія *религіозныя, социальна-бытовыя*, и условія *внѣшней политики* племень, соединившихся въ Русское государство. Наоборотъ, всѣ условія *политической сознательности* были въ Россіи за все 1000-лѣтіе ея существованія крайне слабы и, по своей спутанности и противорѣчивости, едва ли не хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Русская монархія, своими первоначальными корнями, связана съ наиболѣе первобытнымъ родовымъ языческимъ строемъ, а косвенными условіями возникновенія—съ Имперіей Римской;

могущественными и прямыми вліяніями она связана съ христіанствомъ и Византійскимъ самодержавіемъ; а окончательно сложилась въ эпоху огромнаго внѣшняго вліянія на насъ Монгольскаго востока, а затѣмъ въ борьбѣ съ аристократически-польскимъ строемъ. По завершеніи же эволюціи въ этихъ сложныхъ условіяхъ, наша монархія подверглась всей сплѣ вліянія западно-европейскихъ идей, какъ монархическихъ, такъ и демократическихъ, одновременно съ чѣмъ получила своей задачей устроение огромной Имперіи, составленной изъ весьма различныхъ обособленныхъ народностей, перейдя наконецъ въ эпоху усиленнаго промышленнаго развитія, до чрезвычайности осложнившая задачи государства.

Переживъ тысячелѣтіе столь необычайно сложной исторіи, Русская монархія нынѣ стоитъ во главѣ государства, съ одной стороны связаннаго множествомъ условій съ государствами Японско-Китайскаго востока, съ—другой не менѣе тѣсно съ государствами и націями магометанскими, съ остатками и зародышами православныхъ греко-славянскихъ государствъ, съ вліяніями славянской идеи и—еще болѣе могущественно со всей Европой, а по ту сторону океана—съ Америкой.

При такихъ условіяхъ, Русская монархія является учрежденіемъ, представляющимъ особый интересъ, какъ съ точки зрѣнія научной, такъ и въ отношеніи будущихъ судебъ міровой государственности. Условія развитія Русской монархіи, какъ въ благоприятныхъ, такъ въ неблагоприятныхъ отношеніяхъ, требуютъ особенно подробнаго уясненія.

II.

Древне-руссій князь.

Въ отличіе отъ Византіи, Русь съ древнѣйшихъ временъ обладала опредѣленной національностью. Русскія племена имѣли, приблизительно, одинъ и тотъ же бытъ, одинъ и тотъ же родовой строй, одни и тѣ же колонизаціонныя стремленія.

У всѣхъ ихъ религіозныя языческія представленія были одинаково мало развиты и оформлены. Если въ положеніи племень въ Кіевѣ, у Вятичей и Новгородцевъ были различія, то все же племена, охранявшіе торговый путь, и племена, углублявшіеся въ колонизаціонный захватъ земель, являлись пужными другъ другу, какъ бы взаимно дополняли общіе интересы. Всѣ они поэтому имѣли потребность въ общей власти.

Родовой строй этихъ племень не выработалъ еще сильной клановой аристократіи, хотя уже создалъ различнаго рода старѣйшинъ, и кое гдѣ явилось уже понятіе о князѣ, какъ начальникъ рода *). Это, любопытно отмѣтить, было особенно развито на мѣстахъ будущей аристократіи: «князья» древлянскіе, по словамъ народа, считались уже «добрыми» и «распасли Деревску землю».

Въ такихъ условіяхъ совершилось призваніе князей Рюриковичей **). Когда «возсталъ родъ на родъ» и собраніе родоначальниковъ, этихъ старѣйшинъ и мелкихъ князей, связанныхъ каждый съ узкимъ интересомъ *своего* рода, не могло создать общаго права, общей равно для всѣхъ близкой власти, и русскіе стали подпадать господству иноплеменниковъ (варяговъ на сѣверѣ, хазаръ на югѣ)—рядъ славяно-финскихъ племень совершилъ великое дѣло: основаніе русской государственности, призвавъ въ 862 г. князей, какъ власть для всѣхъ общую, высшую.

Смыслъ этой уже не родовой, а государственной власти, очень ясенъ изъ объясненій лѣтописи, во всякомъ случаѣ выразившей понятія и точки зрѣнія народа IX столѣтія, т. е. въ самомъ

*) Слово „князь“, по словопроизводству, говоритъ С. М. Соловьевъ, значитъ *старшина въ родѣ, родоначальникъ, отецъ семейства*. Отсюда женихъ и невеста называются „князь“ и „княгиня“, т. е. основатели рода. (Исторія Россіи, т. I, стр. 49—50).

**) Не считаю возможнымъ сомнѣваться въ точности этого историческаго преданія. Личныя воспоминанія лѣтописца начинаются 189 лѣтъ послѣ призванія Рюрика, Синеуса и Трувора. Возможно ли допустить, справедливо замѣчаетъ С. М. Соловьевъ, чтобы князья за 189 лѣтъ забыли истинное свое происхожденіе?

Впрочемъ были ли призванные князья изъ Варяговъ, или нѣтъ,—это совершенно не измѣняетъ вопроса о княжеской власти.

началѣ нашей исторіи. Когда племена «начали сами у себя владѣть», то «возсталъ родъ на родъ» и «не было у нихъ правды». Тогда племена собрались и сказали: «Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ и судилъ нами *по правдѣ*». Такъ и было сказано Рюрику съ братьями: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ. Приходите княжить и владѣть нами».

Итакъ—прежде сами у себя владѣли, а затѣмъ передали это владѣніе князьямъ. Это былъ отказъ демократіи отъ государственной власти и передача ея князю. Всенародная воля сохранила свою власть внутри рода, но власть во всей землѣ, въ федераціи родовъ—передана была князю. Это была передача высшаго государственнаго управленія и притомъ въ то время, когда государство не было даже организовано, такъ что княжеской власти поручена была работа учредительная.

Былъ ли, однако, князь властью *Верховною*, или только высшимъ наслѣдственнымъ магистратомъ? Понятно, что точной и ясной мысли и формулы не могло быть у племенъ родовыхъ. Идея верховной власти не могла быть вполне сознана. Несомнѣнно, что такой верховной властью надо всѣми родами и племенами не былъ въ то время и весь Русскій народъ. Воля всей совокупности обитателей Русской земли—совершенно не была обязательна для какого нибудь отдѣльнаго рода или племени. Этой идеи не замѣчается даже и признаковъ, да и воли такой не существовало.

Въ князьяхъ явился первый проблескъ идеи о верховной власти. Это видно изъ компетенціи князя. Разсматривая дѣятельность князя, С. М. Соловьевъ подводитъ такіе итоги *):

- 1) князь думалъ о строѣ земскомъ,
- 2) онъ былъ судьей,
- 3) онъ черезъ слугъ своихъ исполнялъ судебные приговоры,
- 4) отъ него происходилъ всякій новый уставъ,
- 5) князь собиралъ дань и распоряжался ею,
- 6) князь былъ вождемъ на войнѣ,

*) Исторія Россіи, т. I, гл. 8; т. III, гл. 1.

7) князь сносился съ чужими державами,

8) князь объявлялъ войну и заключалъ миръ.

Должно добавитъ, что личность князя была въ юридическомъ сознаніи народа неприкосновенна. Князей въ иныхъ случаяхъ изгоняли, но ихъ народъ не судилъ *). Князь вообще не подлежалъ смертной казни. По княжескому между собою уговору, князь даже за преступленіе не могъ быть лишень жизни, а наказывался (своими же собратьями-князьями) лишь отнятіемъ власти. Даже за ослѣпленіе Василька Давидъ не потерпѣлъ никакого наказанія противъ своей личности. Князей, случалось, убивали, въ качествѣ средства борьбы, но никогда не въ смыслѣ наказанія. То же самое должно сказать о заключеніи тюремномъ. Вообще личность князя была неприкосновенна.

Въ этомъ, очевидно, проявился переносъ на князя идеи родового старѣйшинства. Родовичи могли, по злобѣ, въ раздраженіи, убить родовладыку или прогнать его, но не судить, не наказывать.

Однако, атрибуты верховной власти, явившіеся для князей, еще не значать, чтобы въ княжеской власти у насъ была создана *монархія*.

Любопытную черту призванія князей составляетъ то, что власть получили *цѣлый родъ*. Родовой бытъ создалъ верховную власть по своей собственной идеѣ, т. е. сдѣлалъ ее достояніемъ какъ бы специализированнаго для этой цѣли дома Рюрика. Ни за кѣмъ, кромѣ членовъ этого дома, не признается такого права. «Вы не князья, вы не княжескаго рода», говоритъ, по преданію, Олегъ Аскольду и Диру, и на этомъ основаніи ихъ низвергаетъ. «Члены Рюрикова дома,

*) Христіанскія вліянія явились у насъ такъ скоро, что ихъ значенія тутъ нельзя выдѣлять. Но во всякомъ случаѣ неподсудность князя народу—проявляется на Руси издревле. Когда братья предлагали Олегу разобрать свои съ ними неудовольствія „передъ епископами, игумнами, передъ мужьями отцовъ нашихъ и передъ людьми градскими“, Олегъ отвѣчалъ: „Неприлично судить меня епископу, либо игумну, либо смердамъ“. (Соловьевъ, т. III, гл. 1).

Когда Галицкій бояринъ Владиславъ убилъ князя, якобы по суду, и самъ воцарился,—это совершенно исключительное событіе было рассматриваемо, какъ преступленіе.

говорить С. М. Соловьевъ, носятъ исключительно, названіе князей; оно принадлежало имъ всѣмъ по праву происхожденія, не отнимается ни у кого ни въ какомъ случаѣ. Это званіе князя, приобретаемое только происхожденіемъ отъ Рюриковой крови, не отъемлемое, не зависящее ни отъ какихъ другихъ условій». Такимъ образомъ, *династичность* государственной власти являлась сама собою. Но о ея единоличности не было мысли. Управительная власть каждого князя была единолична. Но *верховная* власть принадлежала всей ихъ совокупности, *цѣлому роду*.

Такимъ образомъ, по условіямъ нашего соціального строя, государственная власть явилась сразу династичною. Тогда еще «на Руси не было одного Государя, говоритъ г. Соловьевъ, въ ней владѣлъ большой княжскій родъ». Соціальный строй далъ Руси сразу, безъ труда, безъ раздумыванья, по простой, привычной аналогіи,—такую государственную династичность, какая въ Византіи явилась лишь подъ конецъ ея существованія, до и то въ менѣе благопріятныхъ формахъ.

Дѣйствительно, Комнины, Ангели, Дуки, Ласкарисы, Палеологи, всѣ между собой перероднившіеся, считали за собою извѣстное право на Царскую власть, а за остальными гражданами—нѣтъ. Но среди претензій этихъ различныхъ наслѣдниковъ и носителей права невозможно было разобраться, да не существовало и твердой руководящей идеи для опредѣленія преимущественнаго права. На Руси же родовая идея—указывала совершенно ясно и порядокъ старшинства, по старшинству въ родѣ.

Такое происхожденіе нашей княжеской и Великокняжеской власти, само по себѣ, не предсказывало и не обусловливало развитія Самодержавія, и типичной Монархіи, какъ Верховной власти. Напротивъ, Великій Князь здѣсь являлся лишь *primus inter pares*. Размноженіе членовъ правящей династіи, коллективныхъ носителей Верховной власти, естественно, по внутренней логикѣ, должно было вести къ развитію строя правящей аристократіи. Родовая княжеская идея впоследствии всегда являлась ограничительною для власти Великаго Князя,